

Мария Соник

КОНТРАКТ С ДРАКОНОМ Ловушка любви

Мария Соник

**Контракт с драконом.
Ловушка любви**

«Литнет»

2026

Соник М.

Контракт с драконом. Ловушка любви / М. Соник — «Литнет», 2026

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВЫЙДЕТ В ПОНЕДЕЛЬНИК Она мечтала стать магистром в лучшей академии королевства. Годы учебы, ночи без сна и несбыточные надежды — всё это осталось позади. Но с первого же дня новая работа превращается в испытание: её непосредственный начальник, декан боевого факультета — высокомерный дракон, с которым у неё когда-то был бурный роман. А теперь он, кажется, одержим идеей выжить её из академии. Любая его улыбка — как пощёчина, любая просьба — скрытая диверсия. Но она не из тех, кто сдаётся. Даже если ради этого придётся в одиночку доказывать, что её место здесь. Однако, когда в Академии появляется загадочный тёмный маг, готовый восхищаться её талантом и защищать от всех напастей, дракон вдруг теряет самообладание. В день открытия турнира он публично заявляет на всю аудиторию: — Она — моя истинная пара. Но мы так не договаривались, декан. Вы хотели меня уволить — теперь я останусь назло. И ваше «истинное» бесит меня не меньше, чем ваша драконья гордость. Девушка огонь Герой - дракон и этим все сказано Студенты болеющие за пару Тёмный маг, от которого так просто не избавиться Причем тут еще и родители? Пять самых активных комментаторов получают подписку в подарок! Книга пишется в рамках литмоба "Магистры тоже любят"; Поддержите книгу лайками и комментариями! Добавьте её в свою библиотеку. Подписывайтесь на автора! МАРИНЯ СОНИК

© Соник М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	29
Глава 9	33
Глава 10	37
Глава 11	40
Глава 12	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Глава 1

Четыре года назад

Запах озона ещё не выветрился из аудитории.

Он висел в воздухе липкой, едкой пеленой — тот самый специфический аромат, который появляется после мощнейших магических выбросов. Смесь грозы, раскалённого металла и чего-то неуловимо сладковатого, отчего у неподготовленных людей начинала кружиться голова и закладывало уши. Элиан знала этот запах слишком хорошо: он преследовал её каждую ночь на протяжении последних четырёх месяцев, когда она тайком пробиралась в запретное крыло библиотеки, чтобы тренироваться на заклинаниях, которые не входили в официальную программу. Она вдыхала его глубоко, жадно — и каждый раз он напоминал ей о цене, которую она платила за своё бешеное желание стать лучшей.

Сейчас, стоя у разбитого окна, она пыталась отдышаться.

Лёгкие горели. Не от физической усталости — от перенапряжения магических каналов, которые до сих пор пульсировали в такт сердцу, выбрасывая в кровь остаточные импульсы силы. Пальцы мелко дрожали — она сжала их в кулак, заставив успокоиться усилием воли. Где-то на периферии сознания пульсировала тупая боль: плата за то, что она только что сделала. За тот финальный рывок, когда она выложились до дна, до последней искры, до сухости в магических узлах.

Выпускной экзамен по боевой магии высшего порядка. Она выдержала его блестяще.

Это признавали даже те, кто ненавидел её всю академическую карьеру. Члены комиссии — старые магистры с лицами, похожими на потрескавшиеся пергаменты, — переглядывались с чем-то, очень похожим на уважение. Профессора, ещё вчера сомневавшиеся в её методах, синхронно кивали, будто их личные лошади только что выиграли королевские скачки. А старый архимаг Торнфилд, легендарный маг, чей возраст уже давно перевалил за вторую сотню и которого никто и никогда не видел проявляющим хоть какие-то эмоции, — этот самый архимаг Торнфилд впервые за десять лет снял очки и протёр их дрожащей рукой.

Он смотрел на неё поверх потрёпанной оправы целых пять секунд — молча, пристально, с выражением, которое она не могла расшифровать. В его выпцветших глазах читалось что-то древнее, усталое и одновременно — живое. Будто он увидел в ней отголосок чего-то, что сам потерял много десятилетий назад. А потом он объявил на всю аудиторию голосом, который, несмотря на возраст, всё ещё звучал как раскат грома:

— Исключительно. Элиан Вэнс, вы нас удивили.

Имя Элиан прозвучало как пощёчина для всех, кто ставил на неё в академических тотализаторах. «Выскачка из захолустья», «деревенская магичка без рода и племени», «девчонка, которая лезет не в свои дела» — так они называли её за спиной. А теперь эти же люди хлопали. Правда, неискренне. Правда, сквозь зубы. Но хлопали. Она видела, как скривился лорд Эдмунд Вэнс — однофамилец, который вечно пытался доказать, что их общая фамилия — чистая случайность, потому что такая нищая выскачка не могла принадлежать к его роду.

Она должна была праздновать. Должна была выбежать из этой аудитории с зачёткой в руках — той самой, где только что поставили печать о высшей квалификации, — и помчаться на крышу общежития, где подруги (если их можно было так назвать) уже наверняка открыли дешёвое игристое вино и строили планы на вечер. Должна была смеяться. Должна была позволить себе хотя бы одну ночь забыть о том, что завтра начнётся новая жизнь, полная неизвестности и тревог.

Вместо этого она стояла в пустой аудитории 404.

Самая дальняя. Самая заброшенная. Единственная во всей академии, где никогда не проходили занятия — потому что здесь до сих пор пахло древней магией, той самой, которую

никто не понимал, и несбывшимися обещаниями, которые рассыпались в прах раньше, чем успевали слететь с губ. Пол здесь был покрыт слоем пыли в палец толщиной, окна давно никто не мыл, а на стенах до сих пор виднелись следы от заклинаний, которые никто не мог идентифицировать.

Она ждала его.

Сердце колотилось где-то в горле — так сильно, что она физически чувствовала, как пульсирует сонная артерия под тонкой кожей. Элиан прижала ладонь к груди, прямо туда, где под тканью мантии бешено, словно загнанная в клетку птица, билась жилка. Грудная клетка ходила ходуном. Она не могла унять это бешеное, хаотичное дыхание — и ненавидела себя за это.

Она не была наивной дурочкой.

Чёрт возьми, она вообще не была дурочкой — ни наивной, ни какой-либо ещё. Элиан Вэнс пробилась вверх собственными зубами, ногтями и бессонными ночами. Она знала цену каждому комплименту, каждому взгляду, каждому жесту, потому что платила за них потом в тренажёрном зале, на полигоне, в библиотеке, когда остальные спали. Она видела, как мир пережёвывает слабых и выплёвывает их косточки. И она поклялась, что не станет одной из этих косточек.

Поэтому она знала: их связь — тайная, короткая, почти безумная — не имеет будущего.

Рейнар огненных крыльев не просто так носил фамилию, от которой у ректора тряслись поджилки, а у короля дергался глаз. Его семья стояла над королевством, как дракон над стадом овец — с той же ленивой снисходительностью и с той же абсолютной, неоспоримой властью. Они были теми, кто диктовал законы. Кто вершил судьбы. Кто мог уничтожить целый род одним росчерком пера и даже не заметить этого за завтраком. Ходили слухи, что старший брат Рейнара однажды стёр с лица земли графство только за то, что его владелец посмел поднять голос на семейном совете.

А она?

Всего лишь талантливая выскочка из захолустья.

Глава 2

Дочь деревенской травницы, которую соседи считали ведьмой (и были не так уж далеки от истины). Внучка мага, который променял блестящую карьеру на любовь и умер в нищете, потому что его избранницу не приняли в высшем обществе. Элиан выбилась в лучшие выпускники только благодаря ночам без сна, полному отсутствию личной жизни и звериному упорству, которое не позволяло ей сдаваться даже тогда, когда всё шло коту под хвост.

Но когда он впервые поцеловал её три месяца назад — в этой же аудитории, прижав к той же самой стене, от которой на мантии осталась пыльная полоса, — она забыла обо всём.

О разнице в происхождении. О сплетнях, которые летели следом. О том, что драконы не связываются с простолюдинками, если только те не являются их истинными парами — теми самыми, благословлёнными самой природой, от которых сходят с ума и теряют голову даже самые расчётливые из огненных. Обручение с истинной парой — это не просто брак, это слияние душ, магическое единство, которое невозможно разорвать. Такие союзы случались раз в столетие, и о них слагали легенды.

А она не была. Он сам сказал это на следующее утро.

Они лежали в его постели — в тех апартаментах, которые семья сняла для него на время учёбы, с простынями из драконьего шёлка, которые стоили больше, чем весь год обучения Элиан, и видом на весь город. Рассвет окрашивал небо в розовые и золотистые тона, и этот свет падал на его лицо, делая его похожим на полотна старых мастеров. Идеальный нос. Чёткая линия скул. Губы, которые всего несколько часов назад шептали ей на ухо слова, от которых плавилась мозги. Он смотрел в потолок. Не на неё. И это было первым предупреждением.

«Не строй иллюзий, Элиан. Это просто... увлечение».

Она помнила, как эти слова упали в тишину комнаты — тяжёлые, как каменные плиты. Помнила, как внутри что-то оборвалось. Как сердце, которое ещё минуту назад пело от счастья, вдруг рухнуло куда-то вниз, в ледяную пустоту. Помнила, как она заставила себя улыбнуться — той самой своей колкой, ядовитой улыбкой, которая заставляла однокурсников отшатываться, — и ответила:

«У меня нет иллюзий, Рейнар. У меня есть только цели. И ты в них не вписываешься».

Она солгала. И они оба это знали. Потому что в его глазах тогда — всего на мгновение, прежде чем маска высокомерия встала на место — горело что-то совсем не похожее на «просто увлечение». Что-то тёмное, жадное, почти отчаянное. То, от чего у неё перехватывало дыхание даже сейчас, спустя три месяца, когда она стояла у разбитого окна и ждала.

Дверь открылась.

Без скрипа — Рейнар никогда не издавал лишних звуков. Он вообще был существом почти бесшумным, что для дракона его размеров и мощи казалось почти неестественным. Даже его дыхание было едва слышно — только лёгкое движение воздуха, которое можно было принять за сквозняк. Он вошёл так, как входят в клетку к хищнику: плавно, бесшумно, с сознанием собственной силы, от которой не спрятаться даже за каменными стенами академии.

Элиан почувствовала его за секунду до того, как увидела. Воздух в аудитории стал тяжелее. Не физически — на магическом уровне. Тот самый озоновый запах, который остался после её экзамена, вдруг смешался с чем-то другим: жаром, тягучей патокой чужой силы, дыханием древней крови, которая текла в его жилах. Пахнуло дымом — не тем, от костра, а тем особым, драконьим, от которого у неё всегда кружилась голова, а ладони начинали потеть. Её магические каналы, ещё не до конца успокоившиеся после экзамена, вздрогнули и сжались — инстинктивная реакция на присутствие высшего хищника.

Она ненавидела себя за эту реакцию.

Двадцать два года. Лучшая на курсе. Девушка, которая могла одним заклинанием разнести половину полигона. И всё коту под хвост, стоило ему войти в комнату. Стоило ему посмотреть на неё своими вертикальными зрачками, в которых мерцали золотистые искры. Стоило ему просто быть рядом — и её хвалёная выдержка давала трещину за трещиной, как лёд под ногами бегущего человека.

Она слышала, как он остановился в трёх шагах от неё. Слышала его дыхание — ровное, спокойное, такое чужое. И ждала.

— Поздравляю с экзаменом, — сказал Рейнар.

Голос низкий, чуть хриплый — с той хрипотцой, которая появляется либо после долгого молчания, либо после бессонной ночи. Он не спрашивал, как прошло. Он знал. Как и всё, что происходило в академии, стоило ему захотеть. Слухи, сплетни, результаты экзаменов, личные дела студентов — для него не было закрытых дверей. У его семьи были глаза и уши везде: среди преподавателей, среди прислуги, даже среди студентов. Ничто не происходило без их ведома.

Элиан не обернулась.

Она продолжала смотреть в разбитое окно, на луну, которая висела над крышами академии, словно огромный серебряный глаз. Ночной ветер трепал её волосы — длинные, тёмные, растрёпанные после экзамена. Она знала, что выглядит сейчас не лучшим образом: мантия в пыли, на щеке сажа от взрыва, под глазами синяки от недосыпа. Но ей было плевать. Пусть видит. Пусть запоминает её настоящей — не причёсанной, не накрашенной, не такой, какой она появлялась на людях.

— Ты не пришёл смотреть, — сказала она. Голос прозвучал ровнее, чем она ожидала. Она специально сделала его спокойным, почти безразличным — чтобы он не догадался, как сильно ей хотелось, чтобы он был в первом ряду.

Она услышала, как он сделал вдох — чуть глубже обычного. Истолковала это как раздражение.

— Я был, — ответил он.

Она резко повернулась.

Глава 3

Слишком резко. Шея хрустнула, затылок кольнуло болью, но она не обратила внимания. Потому что он стоял в трёх шагах от неё — и вид у него был такой, от которого у неё перехватило дыхание.

Высокий. Широкоплечий. Волосы цвета воронова крыла, которые вечно падали на лоб непослушными прядями — он постоянно откидывал их назад, и этот жест стал для неё таким же привычным, как дыхание. Сегодня без маскировки. Зрачки вертикальные — не человеческие, хищные, сужающиеся и расширяющиеся в зависимости от освещения. В глубине золотистые искры, которые разгорались ярче, когда он смотрел на неё. Кожа слегка мерцала в лунном свете — чешуйчатый узор проступал на скулах, признак того, что драконья природа близка к поверхности.

Дракон смотрел на неё так, будто решал — сожрать или оставить на потом. И это сходство было пугающе точным.

— Ты был, — повторила она, чувствуя, как внутри закипает раздражение. Она подавила его — не время, не сейчас. — Но не показался.

— Потому что если бы я показался, то сорвал бы твой триумф.

Он сделал шаг вперёд. Один. Плавный, грациозный, совершенно бесшумный. Элиан инстинктивно напряглась — не от страха, от привычки. За три месяца она так и не научилась оставаться спокойной, когда он сокращал дистанцию. Её тело реагировало на него на уровне древних инстинктов: сердце ускорялось, зрачки расширились, ладони потепли.

Он остановился в шаге от неё. Теперь она чувствовала жар, исходящий от его тела — тот самый, драконий, который не имел ничего общего с температурой воздуха. Он проникал сквозь ткань мантии, сквозь кожу, заставляя кровь быстрее бежать по венам.

— Ты заслужила быть в центре внимания, — продолжил Рейнар. Его голос стал тише — настолько, что она слышала каждое слово, но человек на другом конце коридора не разобрал бы ни звука. Он наклонил голову чуть вбок, разглядывая её — внимательно, почти хищно. — А я, Элиан, — это слишком много внимания. Ты знаешь.

Она знала. Чёрт возьми, она знала лучше, чем хотела бы. Когда они появлялись вместе — даже случайно, даже в толпе из сотни человек, — начинался шёпот. Этот мерзкий, шипящий, похожий на змеиное шипение звук, от которого у неё сводило скулы. Она научилась читать эти шёпоты по губам: «Смотрите, это же Рейнар огненных крыльев... А кто эта девушка? Неужели очередная...» И дальше следовали слова, которые она научилась не слышать. «Очередная игрушка», «временная», «жалкая», «выскачка», «да что она о себе возомнила».

Она не возомнила. Она знала себе цену — и эта цена была выше, чем у большинства её «благородных» сокурсников, купивших свои дипломы за папины деньги. Но знание это не защищало от боли. Каждый шёпот был как укол иглы — тонкой, острой, незаметной для посторонних, но смертельно болезненной для того, кто привык всё чувствовать слишком остро.

— Зачем ты позвал меня сюда? — спросила Элиан, скрещая руки на груди. Жест получился защитным — она это заметила и мысленно выругалась. Она хотела выглядеть сильной, неприступной, а вместо этого стояла перед ним с руками-щитом, как испуганный зверёк. — Меня ждут друзья.

— Врушка.

Он усмехнулся. Той самой своей кривой усмешкой — когда уголок губ поднимается чуть выше, чем надо, и в глазах вспыхивают насмешливые искры. От этой усмешки у неё подкашивались колени, сколько она себя помнила. С первой их встречи, с того самого дня на первом курсе, когда он вошёл в аудиторию, и все девушки дружно забыли, как дышать. Он знал, какое

впечатление производит. Он пользовался этим. И Элиан ненавидела, что тоже поддаётся — даже сейчас, когда они были одни и маски можно было снять.

Он подошёл ещё ближе. Теперь между ними оставался всего шаг. Элиан чувствовала, как её волосы шевелятся от жара, исходящего от его тела. В полумраке аудитории его глаза горели — буквально, золотистым внутренним огнём, который не имел ничего общего с отражённым светом.

— У тебя нет друзей, Элиан, — сказал он мягко. Почти ласково. И от этой ласковости становилось только больнее, потому что она звучала как правда. — Есть соученики, которые уважают твой талант и боятся твоего языка. Есть преподаватели, которые делают ставку на твоё будущее. Но друзей... — он покачал головой, и прядь волос упала ему на лоб, — друзей у тебя нет. Ты собиралась провести этот вечер за учебниками по теории пространственных переходов. Я прав?

Она ненавидела, когда он угадывал. Ненавидела это так сильно, что внутри всё закипало, требуя выпустить пар. Как он смел знать её настолько хорошо? Как он смел заглядывать в её душу, читать её планы, её страхи, её одиночество? Она сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Боль отрезвила — ровно настолько, чтобы не наговорить лишнего.

— Допустим, — выдавила она сквозь зубы. Каждое слово давалось с трудом, будто она пробивалась сквозь каменную стену. — Какое тебе дело?

— Никакого.

Он навис над ней — резко, одним движением, от которого у неё перехватило дыхание. Упёр ладонь в стену рядом с её головой. Вторую руку опустил на пояс — небрежно, расслабленно, но Элиан видела, как напряжены мышцы под его мантией. Как вздулись вены на предплечьях. Как его грудная клетка поднималась чуть чаще, чем позволяло спокойное дыхание.

Он был взволнован. Так же сильно, как она. Но прятал это лучше.

— Просто хочу запомнить тебя такой, — сказал он.

— Какой?

— Победительницей.

Его лицо было так близко, что она видела каждую чётточку. Тонкий шрам над левой бровью — остался после спарринга с братом, когда они были подростками и выясняли, кто из них достоин носить фамилию. Родинку у уголка губ — крошечную, почти незаметную, ту самую, которую она целовала так много раз, что сбилась бы со счёта. Ресницы — длинные, тёмные, неестественно красивые для мужчины. Запах — дым, кожа, что-то терпкое, вроде горечи и мёда одновременно.

От этого запаха у неё кружилась голова. С первой их ночи. С того момента, как он впервые прижал её к себе и прошептал на ухо: «Ты пахнешь грозой».

— Рейнар, — сказала она тихо. Так тихо, что это было почти дыхание. Она сама не узнала свой голос — он стал ниже, хриплее, почти молящим. — Что происходит? Ты странный сегодня.

— Я всегда странный. Ты просто привыкла.

Он не двигался. Стоял, нависая над ней, прожигая взглядом, и ждал. Она поняла это спустя несколько ударов сердца: он ждал, когда она сделает шаг сама. Это было правилом их отношений. Единственным правилом, которое они не нарушали никогда.

Рейнар не настаивал. Не требовал. Не брал силой — хотя мог, хотя его природа дракона кричала о доминировании, о том, чтобы взять, подчинить, присвоить. Он был сильнее. Он был опаснее. Он мог сломать её одним движением руки. Она видела, как он сражается — безжалостно, эффективно, не оставляя противникам ни единого шанса.

Но с ней он не делал этого. Никогда. Он просто был рядом — такой близкий, такой желанный, такой невозможный — и позволял ей выбирать.

Элиан выбрала. Она схватила его за отвороты мантии — ткань под пальцами оказалась горячей, будто он только что вернулся из полёта, — и притянула к себе.

Глава 4

Поцелуй получился нежным.

Он никогда не был нежным между ними — только жарким, почти яростным, таким, от которого трещали по швам все запреты, все «нельзя», все «не смей». Рейнар зарычал — тихо, горлом, тем особым звуком, который не имел ничего общего с человеческой речью, — и прижал её к стене так, что у неё перехватило дыхание.

Его руки легли на её талию. Пальцы — длинные, сильные, с идеальными ногтями, которые он, как и все драконы, подтачивал особым образом, — впились в ткань мантии. Не больно, нет. Прочно. Так, что она чувствовала каждое прикосновение через все слои одежды. Большими пальцами он провёл по её рёбрам — снизу вверх, медленно, почти изучающе. От этого жеста по её спине пробежала дрожь.

А губы — губы были везде. На её губах, требовательные и жадные. На скуле, где кожа особенно тонкая и чувствительная. На шее, там, где бешено бился пульс — он накрыл это место ртом, и Элиан показалось, что её сердце сейчас выскочит наружу. Она вцепилась в его плечи — под мантией мышцы были твёрдыми, как камень.

— Ты сводишь меня с ума, — выдохнул он в её кожу. Горячо. Почти обжигаяще. Его дыхание опалило шею, и она почувствовала, как по позвоночнику разливается тепло.

— Взаимно.

Она вцепилась в его волосы — жёсткие, шёлковистые, пахнувшие дымом и ветром, — и притянула ещё ближе. Нельзя ближе — но она пыталась. Хотела забыться. Раствориться. Перестать думать о том, что этот поцелуй пахнет прощанием. Потому что пахло.

Она чувствовала это каждой клеточкой тела. Каждым нервным окончанием, которое сейчас кричало от наслаждения. Горечь прощания была в его дыхании. В том, как его пальцы дрожали — едва заметно, но она чувствовала этот микро-тремор, потому что её собственные пальцы лежали на его запястьях. В том, как он целовал её — медленно, глубоко, с той отчаянной нежностью, которую никогда не показывал при свете дня.

Рейнар целовал её так, будто запоминал на вкус. Его рука скользнула выше, к её затылку. Пальцы запутались в волосах — там, где они были особенно густыми. Он слегка оттянул их, заставляя её запрокинуть голову, открывая шею для новых поцелуев. Она застонала — тихо, почти неслышно, больше выдох, чем звук. Но он услышал. Он всегда слышал.

— Элиан, — прошептал он, отрываясь от её губ. Его лоб прижался к её лбу. Они дышали одним воздухом — горячим, влажным, пропитанным запахами друг друга. — Посмотри на меня.

Она открыла глаза.

В полумраке аудитории его зрачки горели золотом — чистым, неразбавленным, драконьим. Не те искры, которые обычно мерцали в глубине, а настоящее пламя, которое разгоралось только в моменты сильнейших эмоций. Он смотрел на неё так, будто она была единственным источником света в тёмной комнате. Будто без неё он бы ослеп. Будто она — последнее, что он видит перед тем, как навсегда закрыть глаза.

— Что ты делаешь со мной? — спросил он.

Голос сорвался. На полтона. Совсем чуть-чуть. Но Элиан услышала — и сердце её пропустило удар.

— Ничего. — Она провела пальцами по его щеке, по этому идеальному, словно выточенному скуластому лицу. Под её пальцами кожа была горячей, а под ней — челюсть напряжена до скрежета. — Это ты делаешь что-то со мной.

Он усмехнулся снова — но на этот раз усмешка вышла грустной. Горькой. Такой, от которой у неё защемило под ложечкой. Его губы дрогнули, и на секунду она увидела под маской дракона обычного мужчину — уставшего, запутавшегося, боящегося.

— Мы не можем продолжать, — сказал он.

Элиан замерла. Сердце, которое и так колотилось как бешеное, пропустило удар. Потом ещё один. А потом забилось где-то в животе — холодным, липким страхом, от которого пересохло во рту и занемели кончики пальцев. Она почувствовала, как кровь отлила от лица, как земля уходит из-под ног.

— Что? — переспросила она. Голос прозвучал чужим — высоким, тонким, почти детским.

— Ты слышала.

Рейнар отстранился. Не резко — плавно, будто боялся сделать ей больно. Убрал руку с её затылка. Отнял ладонь от талии. Сделал шаг назад. Второй. Его лицо, ещё секунду назад такое живое, такое близкое, стало отдаляться — вместе с теплом, вместе с дыханием, вместе с той хрупкой близостью, которая была между ними всего мгновение назад.

И в одно мгновение он превратился из любовника в чужого человека. Высокомерного. Недостигаемого. Драконьего.

Спина выпрямилась. Плечи развернулись. Подбородок поднялся. Лицо стало непроницаемым — ни одной эмоции, ни одного намёка на то, что всего секунду назад он целовал её так, будто от этого зависела его жизнь. Маска высокомерия опустилась на место, и Элиан увидела перед собой не Рейнара, с которым провела три месяца, а наследника огненных крыльев — того, кого боялись короли и боготворили подданные.

Холодный. Расчётливый. Безжалостный.

Элиан почувствовала, как пол уходит из-под ног. Буквально. Ей показалось, что земля под её ногами провалилась в бездну, и она летит, летит, летит, и не за что ухватиться, и никто не придёт на помощь, потому что тот, кто мог бы спасти, только что оттолкнул её сам. В ушах зашумело. Перед глазами поплыли тёмные пятна.

— Ты шутишь, — сказала она.

Голос дрогнул. Она ненавидела эту дрожь. Ненавидела, но ничего не могла с собой поделать. Она услышала, как в её голосе прозвучала мольба — и возненавидела себя за это ещё сильнее.

— Я не шучу.

— Рейнар, — она шагнула к нему — шаг, который стоил ей огромных усилий, потому что ноги стали ватными и непослушными. Она чувствовала, как дрожат колени, как предательски слабеют мышцы. — Что случилось? Только что всё было... Мы же...

Она схватила его за руку. Пальцы сомкнулись на его запястье. Ткань мантии была горячей, но не так, как обычно. Словно огонь внутри него начал угасать. Она сжала сильнее — будто могла удержать его физически.

— Это не имеет значения, Элиан.

Его голос стал ледяным. Не таким, каким он говорил с ней ночью, когда они лежали в обнимку и он рассказывал о детстве — о том, как боялся своего первого превращения, как плакал по ночам, потому что не мог контролировать огонь, как его отец бил его за слабость. Не таким, каким шептал комплименты на ухо — хриплым, тёплым, от которого внутри разливалось что-то тягучее и сладкое.

А таким — официальным, казённым, каким он разговаривал с ректором и королевскими послами. Голосом человека, который привык отдавать приказы и не привык, чтобы их оспаривали. Голосом, который не оставлял места для споров, для надежды, для «а что если».

Она отпустила его руку, будто обожглась. Отшатнулась. Плечом ударилась о стену — больно, но не заметила.

— Не имеет значения? — повторила она. Голос сорвался на фальцет — она услышала это и чуть не застонала от унижения. — Три месяца, Рейнар. Три месяца ты приходил ко мне каждую ночь. Ты говорил...

Она замолчала. Не могла продолжать. Потому что воспоминания хлынули разом — его голос в темноте, его руки на её теле, его обещания, которые он никогда не произносил вслух, но которые она читала в его глазах.

— Я много чего говорил, — перебил он.

Он отвернулся. Резко. Так, что мантия взметнулась. Элиан увидела его спину — широкую, напряжённую, абсолютно чужую в этот момент. Он подошёл к окну — тому самому, разбитому её экзаменационным заклинанием. Осколки стекла хрустели под его сапогами, но он, казалось, не замечал этого. Или ему было всё равно.

Он встал так, что лунный свет упал на его профиль, делая его похожим на статую. Красивую. Холодную. Мёртвую. Ни кровинки в лице. Ни тени эмоций.

Глава 5

— Ты умна, Элиан, — произнёс он.

Тон — ровный, спокойный, как у лектора, читающего скучную лекцию. Будто они обсуждали погоду или результаты экзамена. Будто он не разбивал ей сердце на осколки.

— Очень умна. Твоя дипломная работа по поглощению магии — лучшее, что я видел за последние десять лет. Ты заслуживаешь блестящей карьеры.

— Но? — Она сжала кулаки. Ногти снова впились в ладони — до боли, до капелек крови, которые выступили на коже. Она чувствовала, как горячая жидкость растекается по пальцам. — Я слышу это «но», Рейнар. Оно висит в воздухе, как топор. Так режь. Не тяни.

— Но тебе не место в моём мире.

Слова ударили пощёчиной. Настоящей. Хлёткой. От которой звенит в ушах и темнеет в глазах. Элиан физически качнулась назад — будто он и правда ударил её. Она открыла рот, чтобы ответить — и не смогла. Горло сжалось спазмом. Глаза защипало — чёрт возьми, только не плакать, только не при нём.

Она запретила себе плакать ещё в детстве, когда отец умер, а мать смотрела на неё пустыми глазами и говорила: «Слёзы не помогут, дочка. Слёзы — это вода. А проблем у нас — огонь». С тех пор она не плакала. Никогда. Даже когда переломанную после неудачного падения с метлы её везли в лазарет. Даже когда профессор сказал, что её магия слишком слаба для боевого факультета.

А сейчас слёзы жгли глаза, и она не могла их остановить.

— Почему? — выдавила она наконец.

Голос сел. Стал хриплым, чужим, будто принадлежал не ей, а какой-то другой Элиан — сломленной, испуганной, той, которую она похоронила много лет назад.

— Потому что мой мир сжирает таких, как ты.

Рейнар обернулся. В его глазах больше не было золота. Только лёд. Холодный, расчётливый, безжалостный лёд, который не таял даже под взглядом драконьего пламени. Она никогда не видела его таким. Даже в самые мрачные моменты, даже когда он рассказывал о том, как его отец сжёг дотла деревню, посмевающую не заплатить налоги, — даже тогда в его глазах теплилась какая-то искра человечности. Боль. Сожаление. Что-то, что говорило: «Я не такой, как они».

Сейчас не было ничего. Пустота. Бездна. Холод. И она испугалась.

Не его — нет. Не дракона, который мог испепелить её одним вздохом. Она испугалась того, что он сейчас скажет. Потому что знала: слова, которые сорвутся с его губ, изменят всё. Исчезнет та хрупкая надежда, которую она носила три месяца — что он другой, что их связь не просто интрижка, что он останется. Что он выберет её.

— Моя семья не примет тебя, — продолжил Рейнар ровно. Методично. Словно зачитывал приговор. Он даже не смотрел на неё — смотрел куда-то сквозь, в стену, в пустоту. — Моё положение не позволит мне быть с женщиной без рода и состояния. Академия, в которой ты мечтаешь преподавать, отвернётся от тебя, если узнает о нашей связи. Ты станешь изгоем, Элиан. И всё, чего ты добилась, — он кивнул на дверь, за которой остались члены комиссии, диплом, её блестящее будущее, — превратится в прах.

— Ты не можешь этого знать! — Её голос сорвался на крик. Она не хотела кричать — но слова рвались наружу, не слушаясь. — Ты не можешь знать, что будет! Ты не бог, Рейнар! Ты просто... просто...

— Могу. — Он сделал шаг к ней. Один. Теперь между ними снова было расстояние вытянутой руки, и это было хуже, чем когда он нависал над ней. Потому что сейчас она видела его всего — и не узнавала. — Потому что я знаю свою семью. Я знаю этот мир. Я знаю, как они уничтожают тех, кто не вписывается.

Он подошёл ещё ближе. Взял за подбородок — осторожно, почти нежно, — и заставил смотреть в глаза. Его пальцы были холодными. Впервые за всё время их знакомства — холодными. И это было страшнее любых слов. Потому что дракон не может быть холодным. Это противоестественно. Это неправильно.

— Я не хочу, чтобы ты стала пеплом, Элиан. — Его голос дрогнул. Всего на секунду. На одно мгновение. Но она услышала. Увидела, как дёрнулся уголок его губ. Как в глазах на долю секунды вспыхнуло золото — и погасло. — Ты слишком яркая для этого.

— Так защити меня! — вырвалось у неё. Громко, отчаянно, так, что голос эхом разнёсся по пустой аудитории, ударился в стены, вернулся обратно искажённым, чужим. — Ты же дракон! Ты сильнее их всех! Ты можешь...

— Я недостаточно силен.

Он отпустил её. Сделал шаг назад. И улыбнулся — той самой улыбкой, которую она видела в первый день их знакомства. Высокомерной, снисходительной, от которой хотелось то ли ударить его, то ли поцеловать. А теперь ещё и — разрыдаться.

— Прощай, Элиан.

— Рейнар...

— Не усложняй.

Он направился к двери. Каждый его шаг отдавался в её груди ударом молота. Тяжёлым, глухим, неумолимым. Она смотрела на его спину — прямую, гордую, непреклонную. Смотрела на его руки, которые висели вдоль тела — безжизненно, как плети. Смотрела на его затылок — волосы чуть длиннее, чем обычно, потому что он забыл подстричься.

Она хотела закричать — закричать так, чтобы стены рухнули, чтобы академия содрогнулась, чтобы он обернулся. Хотела броситься следом, схватить за руку, умолять — или ударить, разбить ему лицо за ту лёгкость, с которой он перечеркнул всё, что между ними было.

Но она не двинулась с места. Стояла, вцепившись пальцами в подол мантии так сильно, что ткань затрещала. Стояла и смотрела, как он уходит. Прямая спина. Разворот плеч. Ни тени сомнения.

У самой двери он остановился. Не оборачиваясь, бросил через плечо:

— Ты справишься, Элиан. Ты сильнее, чем думаешь.

И вышел. Дверь хлопнула.

Эхо разнеслось по пустой аудитории, ударились в стены, рассыпалось на тысячи осколков. И вместе с ним рассыпалось что-то внутри неё. Та хрупкая надежда, которую она носила три месяца. Та вера, что он другой. Что их связь — не просто интрижка. Что он останется. Что любовь победит всё — сословия, деньги, семьи, правила.

Она обманулась.

Элиан прислонилась к стене — к той самой, к которой он только что её прижимал. Провела ладонью по штукатурке. Там ещё сохранилось тепло — от его спины, от его рук, от его губ. Она закрыла глаза и представила, что он всё ещё здесь. Что ничего не случилось. Что она просто спит и сейчас проснётся в его постели, и он обнимет её, и прошепчет: «Это был всего лишь сон».

Но когда она открыла глаза, аудитория была пуста. Холодна. Пуста. Темна.

— Ты справишься, — прошептала она, передразнивая его голос. Сделала его выше, противнее, почти гротескным. — Конечно, справлюсь. У меня нет выбора, правда?

Слёзы всё-таки потекли.

Она вытерла их тыльной стороной ладони — грубо, зло, будто наказывала себя за слабость. Но они текли и текли, горячие, солёные, предательские. Они текли по щекам, капали на мантию, на пыльный пол, на разбитое стекло. Она не плакала с двенадцати лет. Никогда. Ни на похоронах отца, ни когда мать отдала её в академию, ни когда над ней издевались первокурсники. Она держалась. Стискивала зубы. Доказывала.

А сейчас стояла и плакала, как последняя дура.

Потому что её бросили. Потому что она позволила себе поверить. Потому что она, Элиан Вэнс, магистр боевой магии, лучшая на курсе, оказалась обычной влюблённой идиоткой, которую использовали и выбросили. Как надоевшую игрушку. Как ненужную вещь.

— Чёрт, — выдохнула она, ударив кулаком в стену. Костяшки хрустнули, по штукатурке пошли трещины. Боль пронзила руку — острая, живая. — Чёрт, чёрт, чёрт.

Боль отрезвила. Она подняла голову. Посмотрела на закрытую дверь. И в её глазах вспыхнуло то, что не погаснет уже никогда. Злость. Обида. Горечь. И холодная, как лёд, решимость.

— Ты думаешь, что всё решил за нас обоих? — сказала она в пустоту. Голос звенел — от слёз, от боли, от ярости. — Думаешь, я сломаюсь? Уйду в тень, чтобы не портить твою драконью репутацию?

Она шагнула к двери. Схватила за ручку — так сильно, что побелели костяшки, а металл жалобно скрипнул под её пальцами.

— Я стану магистром. Я войду в лучшую академию королевства. Я поднимусь так высоко, что ты не сможешь меня игнорировать. И тогда, Рейнар огненных крыльев, ты пожалеешь о каждом сказанном сегодня слове.

Она толкнула дверь. Коридор встретил её полумраком и тишиной. Где-то вдалеке слышались голоса — праздновали выпускники. Её ровесники. Те, у кого не болело сердце. Те, кого не бросали сегодня у разбитого окна. Те, кто не стоял сейчас в пыльном коридоре с мокрыми щеками и разбитыми костяшками.

Элиан выпрямила спину. Подобрала мантию. Вытерла последние слёзы — на этот раз окончательно. И пошла. Не к друзьям. Не к вину. К учебникам. Потому что, чёрт возьми, она поклялась. Прямо здесь, в этом пустом коридоре, под призрачным светом луны, под вой ночного ветра, она поклялась себе: она вернётся. Она поднимется. Она докажет.

И драконы ещё узнают, что значит перейти дорогу женщине, у которой отняли единственное, ради чего стоило жить.

Она вернётся. И грянет буря.

Дорогие друзья! Книга пишется в рамках Литмоба Магистры тоже любят! Будем рады видеть вас в наших историях! (Все книги 16+)

<https://litnet.com/ru/tag/%25D0%25BB%25D0%25B8%25D1%2582%25D0%25BC%25D0%25BE%25D0%25B1%2B%25D0%25BC%25D0%25B0%25D0%25B3%25D0%25B8%25D1%2581%25D1%2582%25D1%2580%25D1%258B%2B%25D1%2582%25D0%25BE%25D0%25B6%25D0%25B5%2B%25D0%25BB%25D1%258E%25D0%25B1%25D1%258F%25D1%2582-t48493770>

Глава 6

Настоящее время

Конверт пришёл на рассвете.

Элиан не спала уже третьи сутки — не потому, что ждала вестей, а потому, что тело отвыкло от покоя. Глаза саднило, как будто под веки насыпали песка, но она не могла сомкнуть их, даже когда тяжесть становилась невыносимой. Она сидела на продавленном диване в своей съёмной комнатухе, поджав босые ноги, и смотрела в окно на серое небо, которое только начинало розоветь. За два года после выпуска она разослала резюме в семнадцать академий, университетов и магических кругов. Семнадцать раз ей отвечали вежливыми, выверенными отказами, от которых хотелось выть в голос.

«Ваша квалификация впечатляет, магистр Вэнс, но...» Дальше следовали отговорки. Нет мест. Нет ставок. Нет финансирования. Нет, нет, нет, нет, нет.

Каждый отказ был маленькой смертью. Каждый — пощёчиной, которую она принимала молча, стискивая зубы и говоря себе: «Дальше. Ещё одна заявка. Ещё одна попытка. Ты не имеешь права сдаваться». Но глубоко внутри, в том тёмном уголке души, который она никому не показывала, росла холодная, липкая уверенность: она никому не нужна. Её талант — пыль на ветру. Её диплом с отличием — красивая бумажка. А она сама — девочка из захолустья, которая слишком высоко замахнулась.

Она начала привыкать к отказам. Привыкать — страшное слово. Оно означало, что надежда умирает медленно, по миллиметру, и ты даже не замечаешь этого, пока не остаётся одна пустота.

Но этот конверт был другим. Почтальон — пожилой маг с седыми усами — постучал в дверь в шесть утра, когда Элиан как раз допивала третью чашку остывшего чая и думала, не пойти ли ей на рынок за дешёвыми овощами, потому что денег оставалось только на хлеб и воду. Она открыла дверь, ожидая счёт за электричество или очередную рекламную листовку. Вместо этого ей вручили тяжёлый пергаментный пакет, запечатанный сургучом с короной и драконом.

Она чуть не выронила его из рук.

— Необходимо расписаться, госпожа, — пробурчал почтальон, глядя на неё с лёгким беспокойством.

Элиан не ответила. Она смотрела на печать. На дракона, чьи крылья были расправлены в гордом полёте. На корону, венчающую герб. На вензеля — такие изящные, такие сложные, что у любого мага замирало сердце. Академия Коронного Предела. Лучшая боевая школа королевства. Кузница элиты. Место, где куются те, кто будет защищать трон, вести армии в бой и менять ход истории.

— Госпожа? — позвал ее почтальон, когда пауза затянулась.

— Да, — выдохнула она, не помня, как поставила подпись. — Да, спасибо. Спасибо, идите.

Она захлопнула дверь, прислонилась к ней спиной и уставилась на конверт так, будто он мог взорваться. Руки дрожали — крупной, неприличной дрожью. В горле пересохло. Сердце, которое она считала почти умершим, вдруг ожило и забилось с такой силой, что застучало в висках.

— Ну же, — прошептала она, срывая печать дрожащими пальцами. Пергамент был плотным, дорогим — на таком пишут только важные письма. — Ну пожалуйста. Пожалуйста, только не отказ. Только не снова. Я не выдержу ещё одного отказа, я просто не выдержу...

Она вытянула письмо. Развернула. Пробежалась глазами по строкам — и мир перестал существовать. Исчезли стены её дешёвой квартиры, исчез запах затхлости и жареного лука от

соседей, исчез утренний шум за окном. Остались только буквы. Чёрные, чёткие, безупречные буквы на белом пергаменте.

«Уважаемая магистр Элиан Вэнс!

Счастливы сообщить вам, что по результатам конкурсного отбора вы приняты на должность преподавателя теоретической магии в Академию Коронного Предела. Ваше назначение вступает в силу с первого числа следующего месяца. Ректор и совет факультетов выражают надежду на плодотворное сотрудничество...»

Она не поверила. Читала дальше, смахивая выступившие на глаза слёзы и не верила, что видит на бумаге именно то, что там было написано.

«...Ваша квалификация и научные достижения произвели впечатление на конкурсную комиссию. Особо отмечалась ваша дипломная работа по технике поглощения магии, которая была признана инновационной...»

Перечитала раз. Второй. Третий. Четвёртый. Слова не менялись. Они оставались теми же — твёрдыми, настоящими, выгравированными в её судьбу.

— Я принята, — сказала она вслух. Голос сорвался на хрип. Она никогда не разговаривала сама с собой — но сейчас не могла молчать, потому что тишина разрывала её на части. — Я, мать вашу, принята!

Она вскочила с продавленного дивана, едва не опрокинув чашку с остывшим чаем. Чай разлился по столу. но ей сейчас было плевать. Элиан схватила письмо обеими руками, прижала к груди и закричала. Просто закричала — громко, отчаянно, освобождая из лёгких всё, что копилось целых три года после того, как ей на руки выдали диплом специалиста.

В этом крике было всё. Боль от семнадцати отказов. Унижение от того, что лучшие годы она просидела в четырёх стенах, подрабатывая переводами древних текстов и магическими чистками для богатых домохозяек. Злость на всех, кто смотрел на неё свысока на выпускном — на тех, у кого были связи, деньги, влиятельные семьи, а у неё был только мозг, который никто не хотел покупать. И торжество. Дикое, первобытное, почти неприличное торжество.

— Я сделала это, — прошептала она, опускаясь обратно на диван. Слёзы снова потекли — горячие, солёные, беззвучные. — Я, чёрт возьми, сделала это.

Она вытерла лицо рукавом старой кофты и снова посмотрела на письмо. На свою фамилию. На слово «принята». И вдруг — без приглашения, без предупреждения — в голову ворвалась мысль.

"Ты думал, что я сломаюсь?"

Мысль пришла сама собой. Она не звала её — но та пришла. И вместе с ней пришло лицо, которое она пыталась забыть четыре года. Четыре долгих года, наполненных попытками вычеркнуть его из памяти, сжечь все рисунки, которые рисовала тайком от него, забыть звук его голоса и тепло его рук. Но она не могла. Как бы ни старалась, как бы ни убеждала себя, что он — ошибка, что он — отравка, что он — самое плохое, что с ней случилось, — образ оставался и даже не пытался куда-то уйти из памяти.

Высокомерные глаза цвета тёмного золота. Кривая усмешка на губах, которые она целовала до боли в челюсти. Ледяной голос, который мог быть нежным шёпотом или стальным лезвием: «Тебе не место в моём мире, Элиан. Ты хорошая. Ты умная. Но ты — не дракон. Ты никогда не будешь одной из нас».

— А вот и место, — прошептала Элиан, сжимая письмо в кулаке так, что пергамент жалобно хрустел. — И ещё какое. Я буду преподавать в самой престижной Академии, куда вход тебе может юить открыт только с папочкиными деньгами. Я буду учить детей таких же богатых родителей, как и у тебя. Я докажу, что ты ошибался. Докажу, слышишь?

Она не знала, где он сейчас и чем занимается. После выпуска она сознательно не следила за ним — зачем беречь старые раны? Зачем втыкать нож в ещё не затянувшийся рубец? Ей хватило одного раза, когда она случайно увидела его портрет в газете — разворот светской

хроники, приём в честь какого-то магического ордена, Рейнар в идеальном чёрном костюме, с бокалом шампанского и той самой усмешкой, от которой у неё подкашивались колени.

Тогда она не спала три ночи. Три ночи она прокручивала в голове их последний разговор, каждое слово, каждый вздох. Три ночи она ненавидела себя за то, что всё ещё помнит, как пахнет его кожа — дымом и чем-то горьким, как полынь. А на четвёртую она сказала себе: «Хватит». И запретила себе думать о нём.

Запрет работал... почти.

— Я буду работать в самой престижной академии, — сказала она вслух, погружая себя в другие мысли. Голос дрожал — она ненавидела эту дрожь, но ничего не могла с собой поделать. — Десятки факультетов. Сотни преподавателей. Тысячи студентов. Мне будет некогда думать теперь о нём. — И эта мысль ей до безумия нравилась. Быть может ей наконец удастся избавиться от его образа раз и на всегда.

Она повторяла это как мантру, собирая вещи. Как мантру — укладывая в старый потрёпанный чемодан книги, мантии, пару сносных блузок и единственное выходное платье, которое она купила на распродаже три года назад. Как мантру — покупая билет на поезд до столицы. Как мантру — входя в здание Академии в свой первый рабочий день.

Кто бы мог подумать, что, когда человек стремится от чего-то избавиться, это что-то, наоборот, становится преградой и не собирается уходить.

Академия Грейсли. Эльфийские разборки

Мотя Губина

<https://litnet.com/shrt/zbi4>

Глава 7

Первый рабочий день начался с того, что она заблудилась.

Академия Коронного Предела оказалась лабиринтом — и не в переносном смысле. Архитекторы, строившие это здание пятьсот лет назад, явно вдохновлялись чем только захочется, потому что законы физики здесь работали странно. Коридоры сворачивали не туда, куда должны были — под сорок пять градусов, под прямым углом, а один раз Элиан поклялась, что видела лестницу, которая вела сама в себя. Лестницы, которые на карте значились как «второй этаж», упорно выводили в подвалы с какими-то жутковатыми механизмами. Таблички с названиями кабинетов были написаны на древнем наречии, которое она учила по самоучителю и никогда не использовала на практике. «Приёмная декана», — бормотала она, сверяясь с картой, которая, судя по всему, была составлена садистом. — «Третий этаж, восточное крыло. Третий этаж, восточное крыло...»

Она уже десять минут кружила на одном месте. Потом пятнадцать. Потом полчаса. Коллеги, попадавшие навстречу — высокомерные мужчины в дорогих мантиях, женщины с идеальной укладкой и взглядами, полными превосходства — смотрели на неё с любопытством и лёгким презрением. Новенькую всегда видно за версту. По потрёпанному чемодану, по дешёвым туфлям, по растерянному взгляду человека, который не знает, куда идти.

Никто не предложил помощи. Никто даже не кивнул.

— Добро пожаловать в элиту, — прошептала Элиан с такой горечью, что слова обожгли язык.

Наконец, после того, как она в третий раз прошла мимо одного и того же портрета какого-то древнего мага с усами (который, кстати, проводил её насмешливым взглядом), она нашла нужную дверь. Тяжёлая, дубовая, с массивной бронзовой ручкой, инкрустированной драгоценными камнями. На табличке — уже не на древнем, а на современном, изящная вязь, выгравированная в золоте, значилось:

Декан боевого факультета. Рейнар огненных крыльев.

Элиан замерла.

Кровь отхлынула от лица так резко, что в ушах зашумело. Она почувствовала, как её пальцы, сжимавшие папку с документами, побелели — до костяшек, до боли. Чемодан, который она держала в другой руке, вдруг стал весить тонну. Ноги стали ватными. Сердце — которое, казалось бы, уже привыкло к потрясениям — пропустило удар, потом второй, а потом забилось с такой сумасшедшей скоростью, что ей показалось — она сейчас упадёт в обморок.

— Нет, — выдохнула она. Губы онемели. — Нет, нет, нет. Только не это.

Она перечитала табличку. Потом ещё раз. Потом — закрыла глаза, сделала глубокий вдох, открыла снова. Надпись не исчезла.

Рейнар огненных крыльев. Декан боевого факультета. Тот самый Рейнар. Её Рейнар. Дракон, который разбил её сердце на осколки и ушёл, даже не оглянувшись. Который сказал ей «прощай» в дождливый вечер, а она стояла под ливнем, и не могла понять, что мокрее — её лицо или небо.

— Твою ж мать, — прошептала Элиан, и в этом шёпоте было столько ярости, боли и отчаяния, что она сама испугалась. Она отшатнулась от двери, будто та могла укусить. Будто за ней стояла не комната, а сама смерть. Чемодан с глухим стуком упал на пол. Элиан прислонилась к стене, чувствуя, как холодный камень прожигает спину через тонкую ткань мантии.

— Нет, — повторила она, качая головой. — Это не может быть правдой. Это шутка. Кто-то надо мной пошутил. Сейчас дверь откроется, и там будет кто угодно — какой-нибудь толстый лысый декан с бородой, который предложит мне чай и скажет, что я прекрасно выгляжу. Только не он. Только не он, пожалуйста, только не...

Беги, — зашептал внутренний голос. Панический, трусливый, тот самый голос, который она пыталась заглушить четыре года. — Беги, пока не поздно. Подай заявление об уходе. Скажись больной. Скажи, что у тебя умерла бабушка. Сделай что угодно, только не заходи туда. Ты не готова. Ты никогда не будешь готова. Он уничтожит тебя снова. Ты знаешь это.

Элиан закрыла глаза. Перед внутренним взором пронеслись картинки — их первая встреча, его улыбка, его руки на её талии, его голос в темноте. А потом — тот вечер. Дождь. Его лицо, холодное, как лёд. «Ты никогда не будешь одной из нас».

Другая часть её — та, что четыре года назад поклялась на разбитом сердце — вдруг распрямила плечи. Она подняла чемодан. Смахнула с ресниц непрошеную влагу. Поправила мантию. И толкнула дверь.

Она не побежит. Никогда больше. Она уже бежала однажды — из города, из их общих воспоминаний, из самой себя. Она бежала так быстро, что стёрла ноги в кровь. И это не помогло. Он всё равно преследовал её в снах.

Теперь — хватит.

Кабинет оказался огромным. Элиан вошла и на секунду замерла, осматриваясь. Высокие потолки — настолько высокие, что терялись в полумраке. Стрельчатые окна, выходящие на внутренний двор Академии, заливали комнату холодным утренним светом. Книжные шкафы от пола до потолка, забитые фолиантами в кожаных переплётках — некоторые были такими старыми, что, казалось, рассыплются в прах, если к ним прикоснуться. В воздухе пахло старым пергаментом, кожей, воском и — она узнала бы этот запах из тысячи — дымом и горечью. Его запах.

Запах, от которого у неё перехватывало дыхание четыре года назад. Запах, который она вдыхала каждую ночь, прижимаясь к его груди. Запах, который преследовал её в кошмарах.

Рейнар стоял у окна, спиной к двери.

Он не изменился. Эта мысль ударила её под дых. Он не изменился ни на йоту — словно время над ним не властно. Та же прямая спина, та же гордая осанка — словно он родился с короной на голове и никогда не снимал её. Те же широкие плечи, обтянутые тёмно-синим мундиром декана — дорогая ткань, золотое шитьё, пуговицы с драконьими головами. Волосы — чёрные, как вороново крыло, гладкие, блестящие — падали на воротник. Только теперь на его мантии блестел знак драконьего дома: золотая чешуя, искусно вплетённая в ткань, мерцала при каждом его движении.

Элиан почувствовала, как внутри всё сжалось в тугую, болезненный узел.

— Входите, магистр Вэнс, — сказал он, не оборачиваясь.

Голос не изменился. Низкий, чуть хриплый, с той ленивой ноткой, которая когда-то сводила её с ума. Таким голосом он шептал ей комплименты в темноте, целуя её плечи и шею. Таким голосом он читал ей стихи на древнем наречии, которых она не понимала, но от которых у неё плавилась мозги. Таким голосом он сказал «прощай» — холодно, ровно, без единой эмоции.

— Я слышал ваше сердце ещё на лестнице, — добавил он, и в голосе проскользнула тень усмешки. — Оно колотится как бешеное. Вы боитесь, магистр?

Элиан стиснула зубы так, что заныла челюсть.

— Я не боюсь, декан, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Стараясь, чтобы он не услышал дрожь. — Я просто... запыхалась. Академия огромна.

— Академия огромна, — повторил он, словно пробуя слова на вкус. — Да. И вы в ней заблудились. Я знаю.

Он повернулся. И Элиан забыла, как дышать.

Четыре года она убеждала себя, что он не красивый. Что она придумала его черты, преувеличила, приукрасила в воспоминаниях. Что никакой мужчина не может выглядеть так, чтобы у женщины подкашивались колени только от одного взгляда. Она повторяла себе это

сотни раз, засыпая в пустой постели. Она верила в это — потому что иначе жизнь была бы невыносима.

Она ошибалась. Опять очень сильно ошиблась.

Огонь деканам не игрушка

Анна Бахтиярова

<https://litnet.com/shrt/M0t4>

Глава 8

Рейнар был красивым. Опасным. Нечеловечески, пугающе, смертельно притягательным — как пламя, которое манит мотыльков за секунду до того, как сжечь их дотла. Высокие скулы, чёткая линия подбородка, прямая аристократическая осанка. Губы, которые она целовала сотни раз — и которые сейчас были изогнуты в той самой усмешке, от которой её бросало то в жар, то в холод. И глаза. Господи, эти глаза. Золотисто-карие, с вертикальными зрачками — наследие драконьей крови. Они сузились, когда он увидел её. Сузились и стали похожи на две щёлочки расплавленного металла. В них горело что-то. Что-то тёмное, опасное, нечитаемое.

Он улыбнулся. Эта улыбка была хуже пощёчины. Хуже удара ножом. Потому что она была — знакома. Потому что в ней не было ничего от того Рейнара, который когда-то смотрел на неё с нежностью. В ней было холодное, хищное торжество.

— Магистр Вэнс, — произнёс он, растягивая слова, наслаждаясь каждым слогом. — Какая неожиданная... встреча.

Он сделал ударение на последнем слове. Сделал так, что «встреча» прозвучала как приговор. И Элиан поняла — всё. Она поняла в ту же секунду: никакая это не неожиданность. Он знал. Знал, что её приняли. Знал, что она придёт именно в этот кабинет, именно в это время. Знал и ждал. Смаковал. Предвкушал.

— Для меня тоже, — ответила она, сжимая папку так, что хрустнули костяшки. Голос, вопреки всему, прозвучал ровно — она даже удивилась этому. — Я не знала, что вы декан... работаете здесь.

— А должны были. — Он отошёл от окна и направился к ней. Медленно. Плавно. Хищно — каждое движение выдавало в нём охотника, который загнал добычу в угол и теперь наслаждается моментом. — Это общедоступная информация. Ваше незнание — это... — он сделал паузу, — ...ваша вина. Вы просто не интересовались.

— Зачем мне интересоваться? — Элиан вскинула подбородок. — Ваша персона не представляет для меня ни малейшего интереса, декан.

Ложь. Грязная, наглая, отчаянная ложь, которая обожгла язык. Она чувствовала, как щёки заливают румянец — предательский, неконтролируемый. Надеялась, что он не заметит. Знала — заметит. Драконы видели всё.

— Отличный вопрос, — сказал Рейнар, и в его голосе зазвучало что-то тёплое — опасная теплота, как от тлеющих углей. — Отличный. Действительно, зачем?

Он остановился в трёх шагах от неё — ровно на границе её личного пространства. Элиан чувствовала жар, исходящий от его тела. Драконы всегда были горячее людей. Их внутренняя температура на пару градусов выше, их дыхание обжигает, их кожа — как нагретое солнцем железо. Она помнила это слишком хорошо. Помнила, как засыпала на его груди и чувствовала этот жар сквозь одежду. Как он согревал её холодными ночами. Сейчас тот же самый жар заставлял её внутренности скручиваться в тугий узел.

— Я голосовал против вашей кандидатуры, магистр, — сказал он. Элиан моргнула.

— Что?

— Вы слышали. — Его улыбка стала шире — настолько шире, что Элиан увидела кончики клыков. Нечеловеческих, острых клыков, которые она когда-то трогала языком. — На совете факультетов я поставил «против». Аргументировал тем, что вы слишком молоды, неопытны и ваша дипломная работа... спорна.

Кровь ударила в лицо. Элиан почувствовала, как краска заливают шею, уши, грудь. Гнев поднялся внутри неё такой горячий, что она на секунду испугалась — не загорится ли она сама.

— Моя дипломная работа получила высшую оценку комиссии! — Голос сорвался на октаву выше. Она ненавидела себя за это, но не могла сдержаться. — Пять профессоров подписали заключение, что она «инновационная и заслуживает практического применения»!

— Комиссия не видела ваших практических ошибок.

— Каких ошибок?! — Она сделала шаг вперёд, забыв об осторожности. Забыв, что перед ней стоит не просто бывший, а дракон. Декан. Её начальник. — Моя техника поглощения магии признана инновационной! Её цитируют в журналах! На неё ссылаются в диссертациях! Какие, к чёрту, ошибки?

— Ваша техника, — Рейнар шагнул навстречу, сокращая расстояние до одного шага, — опасна. Вы рискуете не только собой, но и студентами, если будете её преподавать. Я видел ваши эксперименты на четвёртом курсе. Вы чуть не сожгли лабораторию.

— Это было шесть лет назад! — закричала Элиан, чувствуя, как слёзы обиды подступают к горлу. Она заставила себя сглотнуть их. — Я была студенткой! Я училась! С тех пор я доработала технику, оптимизировала её, провела сотни тестов!

— На ком?

— На себе!

Рейнар усмехнулся. Усмехнулся так, что у Элиан всё внутри оборвалось.

— Это я помню, — сказал он тихо. — Ты всегда была готова рисковать собой. Иногда — бездумно. Иногда — ради того, чтобы что-то кому-то доказать.

Он не сказал «вы». Он сказал «ты». И от этого «ты» у неё подкосились колени. Это «ты» прозвучало как пощёчина из прошлого — интимная, разрушительная, невозможная.

— Я не собираюсь её преподавать! — выдавила она, пытаясь взять себя в руки. Голос дрожал — она ненавидела эту дрожь. — Я вообще не преподаватель практической магии, я — теоретик! Моя задача — лекции, семинары, научная работа. Ни одного практического занятия, декан. Ни одного.

— Теоретик, который лезет в драку при первой возможности, — повторил он, и в его глазах мелькнуло что-то — воспоминание? — Ты не изменилась, Элиан.

— Я изменилась, — ответила она, и в её голосе зазвучал лёд. — И прошу обращаться ко мне «магистр Вэнс». Или «вы». Мы не настолько близки.

Он смотрел на неё сверху вниз — он был выше почти на голову. Элиан пришлось задрать подбородок так, что шея заныла, чтобы встретить его взгляд. Она ненавидела это. Ненавидела, что он всё ещё может заставить её чувствовать себя маленькой. Ненавидела, что он смотрит на неё так, будто раздевает взглядом. Ненавидела, что её тело реагирует на него — жаром внизу живота, учащённым пульсом, влажными ладонями.

— Чего вы хотите, Рейнар? — спросила она тихо. Она специально назвала его по имени — без титула, без фамилии, без «декана». Чтобы показать, что не боится. Чтобы показать, что он для неё — никто. — Уволить меня? Вы не можете. Меня утвердил ректор. Лично. Я видела его подпись.

— Ректор утвердил вас на испытательный срок, — произнёс он, и в его голосе появилась та самая ленивая, опасная нотка. — Три месяца, магистр Вэнс. Три месяца, и если я, как ваш непосредственный начальник, напишу отрицательную характеристику — вы вылетите отсюда пинком под зад. Без выходного пособия. Без рекомендаций. С таким пятном в резюме, что никто вас больше никогда не возьмёт.

Он наклонился ближе. Так близко, что Элиан почувствовала его дыхание на своей щеке. Горячее. Сладко-горькое. То самое, от которого у неё когда-то кружилась голова и подкашивались ноги.

— Я сделаю это, — прошептал он. — Я уничтожу твою карьеру, Элиан. Сотру в пыль. И буду смотреть, как ты пытаешься склеить осколки. Снова.

Элиан стиснула зубы так, что заскрипела эмаль.

— За что? — спросила она, и голос её сорвался на шёпот — не от страха, а от ярости, которая переполняла её до краёв. — Что я вам сделала? Чем я вас обидела? Тем, что полюбила? Тем, что поверила? Тем, что отдала вам всё — тело, душу, будущее, а вы взяли и вышвырнули меня, как мусор?

— Ты ничего мне не сделала.

— Тогда почему?!

Рейнар выпрямился. Его лицо стало непроницаемым — каменная маска, за которой ничего не разглядеть. Но глаза... в глазах что-то мелькнуло. Боль? Сожаление? Элиан не успела понять — он спрятал это так же быстро, как появилось.

— Потому что вы — слабое звено, магистр Вэнс, — произнёс он холодно, официально, отстранённо. — Ваше резюме блестяще, но за ним нет реального опыта. Вы не работали в академиях, не вели курсы, не публиковались в научных журналах. Ваше имя ничего не значит в научном мире. Вы — выскочка, которую взяли из жалости.

— Из жалости?! — Элиан почувствовала, как пол уходит из-под ног. — Вы сказали — из жалости?

— Да. — Он отвернулся и направился к своему столу, давая понять, что разговор окончен. — Или из-за квоты на таланты из провинции. Не важно. Важно то, что вы должны доказать своё право здесь находиться. А я буду наблюдать.

Он сел в кресло — массивное, резное, с высокой спинкой, больше похожее на трон. Откинулся на спинку, сложил руки на груди и посмотрел на неё. Сверху вниз. С высоты своего положения, своего титула, своей драконьей крови.

— Посмотрим, как долго вы продержитесь, магистр, — произнёс он, и в его голосе не было ни капли сомнения. Он был уверен в её поражении. Абсолютно уверен.

Элиан стояла посреди кабинета. Папка с документами выпала из рук и упала на пол — она даже не заметила этого. Внутри всё кипело — обида, злость, унижение, боль, ярость. Смесь была такой едкой, что жгла горло. Она хотела кричать. Хотела швырнуть в него чем-нибудь тяжёлым — этой папкой, подсвечником с каминной полки, стулом. Хотела подойти и вlepить ему пощёчину — за ту улыбку, за ледяной голос, за то, что он делал вид, будто между ними ничего не было. Будто она не спала в его постели. Будто она не плакала на его плече. Будто он не обещал ей вечность.

Она не сделала ни одного из этих вещей.

Железная леди. Базовая артефакторика

Дана Данберг

<https://litnet.com/shrt/dyLK>

Глава 9

Вместо этого она выпрямила спину. Подняла подбородок так высоко, как только могла. Сделала глубокий вдох — такой глубокий, что закружилась голова. И посмотрела ему прямо в глаза — эти золотисто-карие, вертикальные, хищные глаза.

— Декан огненных крыльев, — сказала она. Голос не дрожал. Голос был твёрже стали. — Вы можете голосовать против меня сколько угодно. Можете писать любые характеристики. Можете мечтать о моём увольнении каждую ночь, каждую минуту, каждую секунду. Можете стоять под моей дверью с факелом и вилами.

Она шагнула к его столу. Шагнула так резко, что он непроизвольно напрягся — инстинкт хищника.

— Но я не уйду. Не из-за вас. Не из-за ваших интриг. Не из-за того, что вы считаете меня «слабым звеном». — Она наклонилась, опираясь руками на его стол, и посмотрела на него снизу вверх — но так, будто смотрела сверху вниз. — Я не уйду, потому что я это заслужила. Потому что я пахала четыре года, пока вы получали повышения по блату. Потому что я ночами не спала над диссертацией, пока вы пили шампанское на приёмах. Потому что я — лучший специалист по теоретической магии в этом королевстве, и я докажу это каждому, кто посмеет усомниться.

Она подхватила папку с пола и швырнула её на его стол — прямо поверх бумаг, которые он разбирал. Бумаги разлетелись веером. Рейнар даже не моргнул.

— Я буду здесь. Я буду преподавать. Я буду лучшим преподавателем, который когда-либо был у этого факультета. — Она наклонилась ещё ближе — так близко, что их разделяли считанные сантиметры. — И вы, декан, будете каждый день смотреть на меня и знать, что я здесь не потому, что вы мне разрешили. А потому, что я сама так решила. Я. Сама.

Она выпрямилась, поправила мантию и посмотрела на него сверху вниз — хотя он сейчас сидел на столе, а она стояла, и всё равно он был выше, но сейчас это не имело значения.

— Я не боюсь вас, Рейнар. — Она снова назвала его по имени. На этот раз — как приговор. — Я больше никогда не буду вас бояться. Вы отняли у меня достаточно. Слишком достаточно. Мои слёзы, мои ночи, мои надежды — всё это вы уже получили. Больше вы не получите ничего.

Тишина повисла в кабинете. Тяжёлая, густая, как расплавленный свинец. Её можно было резать ножом. В ней можно было утонуть.

Рейнар смотрел на неё, не мигая. Его зрачки снова стали вертикальными — признак сильного волнения, признак того, что внутри него бушует что-то, что он не может контролировать. Мышцы на его челюсти напряглись — он стиснул зубы. Пальцы, лежавшие на подлокотниках кресла, побелели.

Он медленно поднялся из кресла. Медленно, плавно, опасно — как хищник, который решил показать добыче свои клыки. Он вновь нависал над ней, над всей этой ситуацией. Элиан чувствовала жар, исходящий от его тела — жар, который мог испепелить.

— Смелая речь, магистр Вэнс, — произнёс он тихо. Так тихо, что ей пришлось напрячь слух. — Очень смелая. Для человека, который ещё не провёл ни одного занятия. Вы даже не знаете, с какой аудиторией вам предстоит работать. Вы не знаете этих студентов — избалованных, наглых, уверенных в своей безнаказанности. Вы не знаете, что такое настоящая преподавательская работа.

— Узнаю, — сказала она. — Завтра в девять. Аудитория 112.

— Вы запомнили расписание.

— Я всё запоминаю, декан. Особенно то, что мне нужно для победы.

Он усмехнулся — криво, горько, почти больно.

— Узнаю вас прежнюю, — повторил он её слово. — Вы всегда были упрямой. Это вас и погубило.

— Это меня спасло, — поправила она. — Не путайте, декан.

Рейнар протянул руку — не для рукопожатия, а чтобы забрать папку, которую она швырнула на стол. Их пальцы почти соприкоснулись. На миллиметр. На долю секунды. Элиан отдернула руку, будто обожглась. Потому что прикосновение — даже не прикосновение, просто близость — обожгло. Пронзило насквозь электрическим разрядом. Она почувствовала, как мурашки пробежали по спине, как волоски на руках встали дыбом.

— Ваше расписание, — сказал Рейнар, открывая папку и делая вид, что изучает документы. Его голос звучал ровно, но Элиан видела — его пальцы дрожат. Совсем чуть-чуть. Так, что обычный человек не заметил бы. Но она была не обычным человеком. Она знала его тело лучше, чем своё. — И... Не опаздывайте.

— Не планировала, — отрезала она.

Она развернулась и направилась к выходу. Спина прямая, как струна. Шаги твёрдые, чеканные — она не доставит ему удовольствия видеть, как дрожат её колени. Не позволит ему заметить, как её руки трясутся после этого разговора. Не даст ему понять, что внутри неё всё рушится. Она уже взялась за бронзовую ручку двери, когда услышала:

— Элиан.

Её имя. Без титула, без фамилии, без «магистр». Просто — Элиан. Она замерла у двери. Не обернулась. Спина окаменела. Сердце, которое она так старательно успокаивала, снова забилось с бешеной скоростью.

— Что? — спросила она. Голос прозвучал глухо. Чужим.

— Вы выглядите... хорошо. — Пауза. Длинная, мучительная пауза. — Для того, кто четыре года пытался забыть меня.

У неё перехватило дыхание. Воздух в лёгких стал тяжёлым, как бетон. Она чувствовала, как её сердце сначала остановилось, а потом забилось с утроенной силой — так, что заложило уши.

— Откуда вы знаете, что я пыталась вас забыть? — спросила она. В её голосе не было злости. Только усталость. Огромная, вселенская усталость.

— Потому что я тоже пытался. — Она обернулась.

Рейнар стоял у стола. Стоял неподвижно, сжимая в руках её папку — так сильно, что костяшки побелели. Его лицо было непроницаемым — каменная маска, маска декана, маска дракона. Но глаза... в глазах горело что-то. Что-то тёмное, глубокое, болезненное. То, что он не мог спрятать, как ни старался.

— Не получилось, — добавил он. Тихо. Почему-то — виновато. Элиан слотнула. В горле стоял ком — огромный, колющий, как ёж.

— Жаль, — сказала она, и голос её дрогнул. Всего на секунду. Но он услышал. — Мне — получилось.

И вышла. Хлопнула дверью так, что картины на стенах кабинета покачнулись. В коридоре она прислонилась к стене и закрыла глаза. Сердце колотилось где-то в горле — нет, не в горле, в висках, в пальцах, в кончиках волос. Дыхание сбилось, как после марафона. Ладони горели, будто она держала их над открытым огнём. Внутри всё дрожало — мелкой, неприличной дрожью, которую невозможно было унять.

Не получилось, — повторила она про себя его слова. Снова и снова. — Тоже пытался. Не получилось.

— Врёшь, — прошептала она, и голос её сорвался. — Ты врёшь. Или... не врёшь?

Она не знала. И от этого было только хуже. Потому что если он не врал... если он действительно пытался забыть её и не смог... то что это меняет? Ничего. Абсолютно ничего. Он всё равно предал её. Всё равно разбил её сердце. Всё равно сказал «тебе не место в моём мире».

Элиан открыла глаза. Посмотрела на дверь декана. На золотую табличку. На имя, выгравированное в металле.

— Ну и чёрт с тобой, — сказала она громко, чтобы услышала сама себя. — Чёрт с тобой, Рейнар. Я здесь не ради тебя. Я здесь ради себя.

Она оттолкнулась от стены. Поправила мантию. Подхватила чемодан, который так и стоял у двери. И пошла по коридору — искать свой кабинет, свою аудиторию, свою новую жизнь. Она не обернулась. Даже когда услышала за спиной тихий смех. Нет, не смех. Что-то другое. Что-то похожее на всхлип.

Посмотрим, как долго вы продержитесь, магистр. Элиан сжала ручку чемодана так, что пластик жалобно скрипнул.

— Посмотрим, — прошептала она, и в её шепоте было обещание. — Спорим, дольше, чем ваше терпение, декан. Спорим, я продержусь дольше, чем вы сможете притворяться, что я для вас — никто.

Она завернула за угол и исчезла в коридоре, оставив за спиной тяжёлую дубовую дверь, молчаливую стену и мужчину, который стоял по ту сторону, прижавшись лбом к холодному стеклу, и смотрел, как она уходит.

Его пальцы всё ещё сжимали её папку. Его сердце всё ещё колотилось в такт её шагам. Он проиграл этот раунд. Но игра только начиналась.

Один звонок для ректора

Мария Кейль

<https://litnet.com/shrt/lQqy>

Глава 10

Она не спала всю ночь.

Не потому, что боялась темноты или шорохов старого общежития. И не потому, что до дрожи в коленях волновалась перед первой лекцией — хотя, положив руку на сердце, это тоже было причиной, комком нервов засевшей где-то под диафрагмой. Элиан ворочалась на жёстком казённом матрасе, набитом соломой пополам с верблюжьей шерстью, в этой крошечной, пропахшей пылью веков комнате для приезжих преподавателей, и перед глазами, как раскаленное клеймо на внутренней стороне века, стояло одно-единственное лицо.

Его лицо. Она снова видела этот надменный разрез глаз, в которых золотые искры мерцали, словно угли в прогоревшем костре. Слышала этот вкрадчивый, бархатный голос, способный в одну секунду превратиться в рык зверя.

«Вы выглядите хорошо. Для того, кто четыре года пытался меня забыть».

— Идиот, — прошептала она в серый, покрытый трещинами потолок, и голос её сорвался, охрипнув от бессонницы. — Самовлюблённый, чешуйчатый, огнедышащий драконий идиот. Чтоб ты подавился своим же пламенем.

Элиан резко села на кровати, обхватив колени руками и прижав их к груди. Одеяло сползло с острых плеч, и утренний холодок пробрал до костей, хотя на дворе стоял конец лета. За узким, забраным решёткой окном нехотя серел рассвет. Академия Коронного Предела просыпалась медленно, неохотно, словно древний, обжеванный снами зверь: где-то внизу гулко хлопали тяжелые дубовые двери, слышались звонкие голоса прислуги и низкий гул пробуждающихся магических светильников в коридорах. С кухонного крыла тянуло умопомрачительным запахом свежего хлеба и корицы — запахом мирной жизни, которая теперь была для неё под запретом.

Взгляд Элиан упал на стопку документов, небрежно брошенную на продавленный стул у изножья кровати. Трудовой контракт. Тридцать восемь страниц мелкого, убористого шрифта, скрепленные тяжелыми сургучными печатями и размашистыми подписями членов Ученого Совета. Вчера, когда её буквально вытолкали из отдела кадров, она подписала его не глядя — лишь бы поскорее закончить с этой удушающей бюрократией, лишь бы спрятаться в свою нору и зализать раны после встречи с Ним.

Сегодня она решила прочитать. Просто чтобы занять мозги хоть чем-то, кроме мыслей о золотых глазах. И пожалела об этом так горько и так яростно, как не жалела ни о чем в жизни.

Она листала страницы машинально, пробегая глазами по стандартным формулировкам о «должностных обязанностях магистра боевой магии» и «соблюдении субординации». Но на середине, ближе к концу, её пальцы замерли. Пункт 14.3 был выделен жирным, каким-то злобющим шрифтом, а на полях, рядом с ним, алела жирная черта, проведенная рукой бюрократа. Словно кровью подчеркнули.

«В течение испытательного срока (90 календарных дней) расторжение настоящего контракта может быть произведено в одностороннем порядке по требованию непосредственного руководителя сотрудника без объяснения причин и предварительного уведомления. Основанием служит служебная записка руководителя, поданная на имя ректора. Сотрудник не имеет права на апелляцию, пересмотр решения или перевод в другое структурное подразделение Академии».

Элиан перечитала этот абзац трижды. На четвертый раз буквы начали расплываться перед глазами, сливаясь в одно сплошное пятно — пятно её краха.

Она отложила контракт в сторону — медленно, словно боялась, что он взорвется в руках — и уставилась в белую стену напротив. Сердце бухало в груди тяжело и гулко, отдаваясь в висках тупой болью.

— Без объяснения причин, — повторила она вслух, и собственный голос показался ей чужим, каркающим. — Без права на апелляцию.

Она знала, черт побери, она прекрасно знала, кто её непосредственный руководитель. Табличка на дубовой, покрытой искусной резьбой двери в восточном крыле третьего этажа до сих пор стояла перед глазами, выжженная в памяти: *«Декан боевого факультета. Лорд Рейнар Огненных Крыльев»*.

Он мог уволить её в любой момент. Сегодня. Завтра. Через минуту. Просто потому, что у него испортилось настроение. Просто потому, что за завтраком ему подали недостаточно горячий кофе. Просто потому, что он мог. Одна росчерк пера на служебной записке — и её мечта, её выстраданное место под солнцем Академии, превратится в пыль. И никто — даже ректор, старик с вечно усталыми глазами — не сможет ей помочь, даже если бы и захотел.

— И ты молчал, гад чешуйчатый, — прошептала она, чувствуя, как к горлу подкатывает волна бессильной, обжигающей ярости. — Вчера ты стоял там, в коридоре, смотрел на меня и молчал. Ты мог сказать. Ты обязан был сказать. Но ты предпочёл поиграть в молчанку.

Она вспомнила его улыбку. Ту самую — ленивую, растянутую в ниточку, будто она только что принесла ему голову заклятого врага на серебряном блюде. Теперь она поняла, почему он так улыбался. Он не радовался встрече. Он не насмехался над её прошлым. Он знал. С самой первой секунды знал, что держит её за горло невидимой удавкой. И он наслаждался этим.

Элиан сжала край контракта в кулаке. Бумага жалобно хрустнула, протестуя против грубой силы, но ей было плевать. Она чувствовала, как внутри закипает лава — дикая, неконтролируемая смесь гнева, страха и чего-то ещё, чему она боялась дать имя.

— Посмотрим, кто кого, Рейнар, — прошелестела она в пустоту комнаты, и в этом шепоте было больше угрозы, чем в ином боевом кличе. — Ты думаешь, что загнал меня в угол. Но ты забыл, что крысы в углу кусаются больше всего.

Попаданка против магистра. Магистр, вы устарели!

Аллу Сант

https://litnet.com/shrt/_crV

Глава 11

Первая лекция прошла... нормально. Если слово «нормально» вообще применимо к ситуации, когда ты стоишь перед двумя десятками юных магов, в чьих глазах плещется страх пополам с любопытством, а твои собственные руки всё ещё дрожат после бессонной ночи и утреннего открытия.

Студенты — первокурсники, зеленые, как весенняя трава на лужайке перед главным корпусом, напуганные до икоты слухами о «зверствах боевого факультета» — смотрели на неё во все глаза. Элиан быстро взяла себя в руки. Она была не просто Элиан Вэнс, бывшая лучшая студентка, вернувшаяся с позором. Она была Магистром Вэнс. И она умела держать аудиторию.

Она нашла общий язык с самой шумной группой хмурых парней с галерки, пригвоздила к месту и стыду одного особо наглого второкурсника, который по ошибке (или специально?) забрел не на свою пару, едко высмеяв его попытку пустить по рядам заклинание-хохотун. К концу занятия в аудитории стояла та идеальная, звенящая тишина, которая была ей нужна, чтобы вбить основы защитных барьеров в эти светлые головы.

Она уже почти расслабилась. Позволила себе поверить, что сегодняшний день может закончиться без скандала. А потом в аудиторию вошёл он.

Рейнар не постучал. Разумеется, нет. Деканы не стучат, они являются. Тяжелая дверь распахнулась без единого скрипа, словно отброшенная невидимой рукой, и он встал на пороге, заложив руки за спину. В своем парадном деканатском мундире цвета запекшейся крови, с золотой чешуёй на высоком стоячем воротнике, он выглядел так, будто только что сошёл с парадного портрета в галерее великих полководцев древности. Студенты мгновенно притихли — даже тот самый наглый второкурсник, забившийся в угол, перестал дышать.

Взгляд Элиан метнулся к магическим часам над доской. До конца занятия оставалось пятнадцать минут. Всего пятнадцать.

— Магистр Вэнс, — произнёс Рейнар, и голос его прозвучал как удар колокола — глубоко, звучно и совершенно безразлично. Он не смотрел на неё. Он обводил взглядом аудиторию, цепким, как у хищной птицы, отмечая лица студентов, исписанную формулами доску, кусочек мела, замерший в её пальцах. — Вы мне нужны. Немедленно.

Элиан почувствовала, как внутри всё сжимается в тугую пружину. Только не это. Только не сейчас, не при всех.

— Я веду занятие, декан, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, как гладь озера в штиль, хотя внутри у неё бушевал ураган. — Оно закончится через пятнадцать минут. Как вы могли заметить по часам, которые я повесила специально для таких случаев.

Он наконец соизволил перевести взгляд на неё. И в этом взгляде Элиан прочла всё: и веселье хищника, играющего с добычей, и холодную сталь приказа, и обещание ада, если она посмеет возразить ещё раз.

— Оно закончится сейчас, — сказал он мягко, почти ласково.

Он щёлкнул пальцами. Сухо. Резко. В аудитории раздался тонкий, вибрирующий звон, и стрелки магических часов над доской дрогнули и замерли, словно наткнувшись на невидимую стену. Студенты зашептались — кто-то с благоговейным восторгом перед мощью декана, кто-то с испуганным вздохом. Элиан увидела, как побледнела девушка с первой парты, вцепившаяся побелевшими пальцами в край стола.

Элиан медленно, очень медленно положила мел в желобок у доски. Каждое движение давалось с трудом, будто она шла через толщу воды.

— У нас были договорённости, декан, — сказала она, поворачиваясь к нему лицом и чувствуя, как кровь приливает к щекам. Не от смущения — от ярости. — Я веду лекции строго

по утверждённому расписанию. Вы не имеете права срывать учебный процесс и нарушать темпоральный контур аудитории из-за своей прихоти.

— Я имею право на всё, что касается работы вверенного мне факультета. — Он наконец посмотрел прямо на неё, и его золотые глаза вспыхнули, отражая свет магических светильников. — А это, магистр Вэнс, касается. Жду вас в своём кабинете. Через пять минут. И не заставляйте меня ждать дольше. Второй раз за день я могу и не сдержаться.

Он развернулся на каблуках и вышел, не дожидаясь ответа. Его шаги гулким эхом разнеслись по коридору — уверенные, тяжелые, не терпящие возражений.

Дверь за ним закрылась с мягким, почти интимным щелчком. В аудитории повисла такая густая, осязаемая тишина, что, казалось, можно было услышать, как оседает пыль в солнечных лучах. Студенты боялись даже дышать, переводя взгляды с замерших часов на окаменевшее лицо своего нового преподавателя.

Элиан стояла у доски, сжимая в пальцах невидимый кусочек мела, который она уже давно положила, даже не раскрошить, но от нервов уже забыла об этом. Её сердце колотилось где-то в горле, готовое выпрыгнуть наружу.

— Урок окончен, — сказала она ледяным голосом, который никак не вязался с пожаром, бушующим внутри. — Задание на дом — параграфы семь и восемь. И не вздумайте писать, что "демон утащил конспекты". Я лично проверю. Вопросы?

Вопросов не было. Было лишь коллективное, выдохнутое с облегчением «Спасибо, магистр».

Она вышла из аудитории, даже не попрощавшись, чувствуя на себе десятки взглядов — сочувствующих, испуганных, любопытных. Каждый шаг по гулкому каменному полу коридора отдавался в висках барабанной дробью.

Она шла на бойню.

Мистер и Мисс Магистр

Анастасия Сиалана

<https://litnet.com/shrt/FS1Z>

Глава 12

Кабинет декана встретил её тем же запахом, что и сутки назад. Рейнар сидел за массивным столом из черного мореного дуба, заваленным кипами пергаментов, карт и амулетов. Он даже не поднял головы, когда она вошла, делая вид, что увлеченно разбирает какие-то бумаги. Свет от магического кристалла, парящего под потолком, падал на его волосы цвета воронова крыла, заставляя их отливать синевой.

Элиан остановилась посреди кабинета, на том самом месте, где был вытерт до блеска ворс старинного ковра — видимо, не она одн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.